

Ни слова не было сказано, лишь ровное, словно во сне, дыхание.

Десять лет. Сколько ночей он тайком обнимал Линь Шэня, засыпая под звук этого дыхания. Как он мог его не узнать?

Это... это Линь Шэнь?

У Линь Исина перехватило горло, дыхание сбилось, он не мог вымолвить ни слова.

Он не знал, что сказать, да и не смел ничего произносить.

Сжимая телефон в руке, он лежал на кровати и вслушивался в дыхание человека на том конце провода, словно погрузившись в призрачный, прекрасный и одновременно печальный сон.

Так близко, так невыносимо близко, будто он сам обнимает его, будто он рядом.

Шэнь-шэнь, Шэнь-шэнь...

Когда на следующее утро Линь Шэнь проснулся, связь все еще была установлена, но на том конце молчали. Он испугался и резко сбросил вызов.

Прошло два года, а номер оказался не заблокирован, и кто-то действительно взял трубку. Может, это уже новый владелец? Но кто, кроме Линь Исина, стал бы держать линию открытой всю ночь?

Я ведь не сболтнул чего лишнего?

Линь Шэня охватила тревога. Он встал, собрал вещи и поспешил на самолет в полицейскую академию.

Жизнь шла своим чередом, и Линь Шэнь глубоко спрятал воспоминания об отпуске, не смея к ним возвращаться.

Однако не прошло и двух недель, как Гу Син, позвонив, в панике прокричал:

— С твоим братом беда! На рассвете его похитила банда!

Линь Шэнь даже не успел спросить, что случилось, как купил билет и полетел обратно. Гу Син сопровождал его, по пути объясняя ситуацию:

— Я случайно проболтался Чжао Тину, что твой брат невероятно хорош собой... А он ведь жуткий ревнивец, сразу приставил к нему слежку. Чжао Тин два с лишним недели не спускал с него глаз, и как раз когда он собрался выкинуть соперника из головы, выяснилось, что того похитили.

Линь Шэнь ничего не слышал.

Он позвонил брату, но ответа не было. Похищен, телефон наверняка у бандитов.

Он отправил сообщение:

— Оставьте его в покое. Если хоть волос с его головы упадет, я не прощу. Сколько денег нужно — я заплачу. Что бы вы ни потребовали, я дам!

Вернувшись в Бэйчэн, Линь Шэнь вместе с Гу Сином отправился к заброшенному складу на окраине города, координаты которого дал Чжао Тин.

Он вошел внутрь. Позади него, словно члены мафиозного клана, выступали люди Чжао Тина — вид у них был грозный и внушительный.

Линь Шэнь ловко выхватил из кобуры пистолет. Направив темное дуло на кучку бандитов, он проговорил ледяным, пропитанным жаждой крови голосом:

— Кто посмел тронуть моего человека?

Забившийся в угол Линь Исин поднял голову и посмотрел на юношу, вошедшего в ореоле света. Зрачки его сузились, кровь, казалось, застыла в жилах.

Он изменился. Черты лица стали резче, мужественнее. В чистых глазах промелькнула холодная решимость. На нем была форменная одежда цвета хаки, которую он не успел сменить, подчеркивающая его сильную, безупречную фигуру.

Тяжелые армейские ботинки с глухим стуком прошлись по телам поверженных врагов.

Линь Шэнь подошел к нему, присел на корточки и принялся развязывать веревки.

— Давно не виделись, брат.

Голос Линь Шэня звучал подчеркнуто спокойно.

Гу Сину нестерпимо хотелось дать ему подзатыльник: Куда подевалась та спешка, с которой ты летел сюда? Актер погорелого театра!

У Линь Исина пересохло в горле. Он ведь даже думал: раз нельзя покончить с собой, то умереть от рук этих людей — тоже неплохой исход.

Жизнь без Линь Шэня была слишком горькой, а смерть казалась единственным способом сбежать.

Но этот человек появился. И пришел спасти его.

Он даже сказал: Кто посмел тронуть моего человека?

На самом деле курсанту военной академии вроде Линь Шэня потребовалось бы меньше минуты, чтобы развязать эти узлы. Но он делал это медленно, вдыхая тонкий запах лекарств, исходивший от Линь Исина.

Видя, что Линь Исин молчит, Линь Шэнь с досадой подумал: я мчался сюда сломя голову, а этот тип ни звука не издал.

Линь Исин поджал губы, боясь даже взглянуть на Линь Шэня.

Его любовь вызывала у Линь Шэня отвращение. Нельзя этого показывать, нужно сдерживаться, терпеть... Любовь — это уважение и понимание, он не может быть эгоистом, не может позволить Линь Шэню возненавидеть его еще сильнее...

Он боялся, что если заговорит, голос предательски дрогнет, выдав радость и волнение.

Линь Шэнь, видя его молчание, ускорил движения, в два счета развязал веревки и холодно бросил:

— Готово.

Линь Исин поднялся, подавляя в себе бурю эмоций, стараясь не потерять лицо.

— Спасибо.

Линь Шэнь с недовольным видом отошел, хлопнул Гу Сина по плечу и небрежно бросил:

— Он в порядке, погнажи. Интересно, дадут ли мне награду за спасение человека...

— Нет-нет, отойди от меня, — Гу Син оттолкнул его. — Если кто и уйдет первым, так это я, а ты оставайся!

Он понизил голос:

— По-моему, у твоего брата ранена нога.

Напускная небрежность Линь Шэня мгновенно улетучилась. Он резко обернулся, взглянул на ногу Линь Исина, и в его глазах промелькнула нескрываемая тревога.

Гу Син увел своих людей, на складе остались только двое.

— Где рана? — Линь Шэнь опустился перед ним, голос его дрожал от волнения. — Почему сразу не сказал! Если бы сказал раньше, я бы выбил дурь из тех подонков, пока они еще здесь!

Линь Исин вздрогнул:

— Все в порядке... Ничего страшного.

Линь Шэнь сердито посмотрел на него:

— Ну ты и чурбан! В таком состоянии — и все в порядке?

Вдруг он сменил тон на язвительный:

— Ну да, конечно. Любовь, карьера — все при тебе. Машина за миллион, жизнь — сказка, подумаешь, царапина.

Линь Исин опешил:

— Я... я не...

Линь Шэнь холодно фыркнул:

— Ха! Нет, говоришь? Порше, домик, красавица-девушка, ночные посиделки...

Линь Исин схватил его за руку и нервно заговорил:

— Я... у меня правда никого нет.

— Разговаривай так, руки убери, — Линь Шэнь потряхнул его ладонь и смущенно отвернулся.

Помолчав, он добавил, стараясь казаться невозмутимым:

— Эй, хочешь, донесу тебя на спине?

Линь Исин замер. Он явно не ожидал услышать такое от Линь Шэня.

— Не слышал? — Линь Шэнь приподнял бровь.

Помявшись, Линь Исин наконец выдал из себя:

— Н-не нужно, я могу идти сам.

Казалось бы, два года должны были сгладить углы в характере Линь Исина. Пусть он стал молчаливым и замкнутым, но обычно не терял самообладания.

Однако перед Линь Шэнем он всегда выглядел как робкий школьник перед учителем: руки не знают, куда деться, в голове туман.

Линь Шэнь, глядя на него, сунул руки в карманы:

— Ладно, как хочешь.

Линь Шэнь пошел вперед, а Линь Исин следовал за ним, не сводя глаз с его спины.

В конце концов Линь Шэнь не выдержал. Он обернулся:

— Живо сюда, я тебя понесу!

Линь Исин наотрез отказался. Как он мог позволить Линь Шэню нести себя?

— Хм, не хочешь — как хочешь, — Линь Шэнь пошел дальше, но замедлил шаг.

— Ты же за границу уезжал, как вернулся?

— Завершил несколько важных научных проектов, выпустился досрочно.

— Круто! А чего не остался? Там воздух хороший, красавиц полно, чего еще желать.

Линь Исин промолчал. Как он мог сказать правду? За границей было все, кроме воспоминаний о них двоих.

Видя, что тот молчит, Линь Шэнь тоже замолчал.

Атмосфера стала невыносимо тонкой.

— Та девушка — психотерапевт. У меня два года была сильная бессонница, той ночью она проводила сеанс гипноза.

— А почему не мужчину нашла, а именно женщину?

Линь Шэнь нахмурился, а спросив, тут же пожалел. Мало того, что вопрос прозвучал ревниво, так если бы Линь Исин нашел мужчину, это было бы еще хуже!

Он и сам был геем, и одна мысль о том, что Линь Исин может запереться с другим мужчиной в одной комнате, приводила его в бешенство.

Так что ни мужчины, ни женщины не подходили.

Линь Шэнь поправился:

— Да какая разница, к кому ходить... Деньги на ветер!

— Ты сам так говорил.

— Когда это я такое говорил?

— В тот день, когда сказал, что с этого момента мы чужие люди.

...

Почему у него так лицо горит?

— Я забыл.

Линь Шэнь пошел вперед, а потом вдруг спросил:

— А ты чего за мной плетешься? Не пора в свой домик?

Линь Исин опустил голову:

— Тогда... до свидания.

— Да пошло оно, до свидание! Я сбежал из части, домой не могу! Можно перекантоваться у тебя пару ночей?

Линь Исин поднял взгляд, в голосе слышалось волнение:

— Да.

Так Линь Шэнь оказался в домике Линь Исина. Войдя, он первым делом провел разведку, проверяя, не осталось ли следов других мужчин или женщин.

— Шэнь... Линь Шэнь, ты голоден?

Линь Шэнь лежал на диване:

— Целый день маковой росинки во рту не было.

Он хотел сказать, что закажет доставку, но Линь Исин уже встал, избегая его взгляда, и пробормотал:

— Я приготовлю поесть, подожди немного.

Глядя на эту спину, излучающую уют, Линь Шэнь ощутил в душе... нечто невыразимо странное.

Он позвонил Гу Сину и холодно спросил:

— Выяснил? Кто за этим стоит?

— Ты знаешь женщину по имени Хэ Жаньжань?

Рука Линь Шэня замерла:

— Это она?

— У нее шуры-муры с одним мужиком по фамилии Чжао. Вся банда — его братки, все говорят, что это она их натравила.

Мужик по фамилии Чжао... не тот ли это, что несколько лет назад надругался над ней?

Линь Шэнь помрачнел, сердце сжалось от боли, но он лишь горько усмехнулся.

Значит, это был спектакль одного актера.

Линь Шэнь повесил трубку и закурил. Две недели назад он пил в баре, и Хэ Жаньжань была рядом. Должно быть, он был пьян и сболтнул лишнее — что-то связанное с Линь Исином, и она затаила обиду.

Вдыхая успокаивающий табачный дым, он вспомнил, что сказал той ночью, когда напился:

— Линь Исин... если я обернусь, ты все еще будешь там?

Время разматывало клубок, наконец давая ответ.

Поев, они сели в самолет до города А.

— Ты вот так идешь за мной, бросаешь работу, машину, дом... Не боишься, что потом пожалеешь?

— Не боюсь.

Он был готов бросить все ради Линь Шэня. Пока он любит его и они вместе, все остальное — лишь прах.

Линь Шэнь был тронут и решил показать, что это взаимно:

— Скоро зимние каникулы, вернемся домой и расскажем родителям.

— М-можно?

— А почему нет? Ты мой, я так решил.

Линь Исин, хоть и был растроган, все же поправил:

— Шэнь-шэнь, вообще-то, это ты мой.

Линь Шэнь помрачнел:

— Ты не можешь уступить? Обязательно спорить?

Он фыркнул и, дуясь, отвернулся к окну.

Казалось, с тех пор как они сошлись, он стал вести себя как ребенок. Не зря говорят, что тот, кто по-настоящему тебя любит, превращает тебя в дитя.

Линь Исин не умел подлизываться. Он молча смотрел на Линь Шэня, не зная, что сказать. Спустя время он протянул руку и накрыл ладонь Линь Шэня.

Хотя это был лишь жест поддержки, между двумя взрослыми мужчинами это выглядело двусмысленно... Хотя, их отношения и так были далеки от платонических.

Линь Шэнь смутился, но тут Линь Исин совершил то, от чего у того перехватило дыхание.

Он поднес руку Линь Шэня к губам и оставил на тыльной стороне ладони легкий поцелуй.

Затем, глядя в глаза с нежностью и болью, мягко произнес:

— Не злись...

Лицо Линь Шэня вспыхнуло, он тут же выдернул руку:

— На людях будь поскромнее!

— Прости...

Линь Исин, осознав ошибку, быстро убрал руку и опустил голову.

Ему всегда не хватало уверенности, и даже сейчас, когда они были вместе, все казалось сном, который может развеяться от одного прикосновения.

Через полминуты Линь Шэнь украдкой протянул руку и медленно, ответно сжал ладонь Линь Исина.

Линь Исин поднял на него глаза, но Линь Шэнь уже отвернулся к окну.

Кончики его ушей порозовели.

В этот миг сердце, казалось, окончательно растаяло.

Вернувшись в академию, Линь Шэнь в тот же вечер позвонил Хэ Жаньжань.

На том конце молчали. Линь Шэнь заговорил первым:

— Если бы мой друг не заметил, если бы я не пошел спасать его, ты бы довела дело до конца?

Она могла бы все отрицать, могла бы солгать, что не хотела смерти Линь Исина, оставив себе путь к отступлению. Но Хэ Жаньжань, не задумываясь, ответила:

— Да.

Линь Шэнь помолчал, затем холодно произнес:

— Значит, вы квиты. Но теперь он — мой человек. А я человек пристрастный, своих в обиду не дам...

— То, что вы квиты — ваше дело. Но ты тронула моего человека, а это уже наше с тобой дело.

Хэ Жаньжань усмехнулась, в ее смехе сквозила горечь:

— И что теперь, Линь Шэнь? Я любила тебя десять с лишним лет, даже потеряла невинность из-за тебя, и теперь мне не достанется ни капли тепла?

— Не смей давить на жалость своей невинностью, ты сама ее растоптала. К тому же тот, кто ее отнял, сейчас каждый день заваливает тебя деньгами. Ты живешь в академии на широкую ногу, еще и должна быть благодарна тому человеку...

— А что касается твоей любви...

— Я сохраню тебе жизнь, только из уважения к прошлому. Но твои махинации с Чжао Фуцином я уже проверяю. Как только все вскроется, не жди от меня пощады.

Наступили зимние каникулы. Они поехали домой, но на этот раз поездом. Линь Шэнь сказал: два года назад я ехал на поезде и не нашел ответа.

Теперь, когда ответ найден, я хочу ехать с тобой домой.

В дороге пошел снег, мир за окном стал белым. В вагоне было тепло, но Линь Исин все равно согревал руки Линь Шэня в своих ладонях.

Линь Исин был так добр... что Линь Шэнь чувствовал вину за свои попытки взять верх в отношениях.

В Бэйчэн прибыли в шесть утра, шел мелкий снег.

Линь Шэнь предложил пойти пешком, как в ту зиму в детстве. На вокзале продавали печеный батат, он купил два: один отдал Линь Исину, другой оставил себе.

В этот раз Линь Шэнь не споткнулся, потому что Линь Исин внезапно нагнал его и прижал к себе. К счастью, на рассвете на улице почти никого не было.

Линь Шэнь упал в глубокий снег и, смеясь, выругался:

— Эй, ты чего творишь...

Линь Исин смотрел на него:

— Шэнь-шэнь...

В тот год, стоя в снегу, он позвал Линь Шэня, а тот спросил: зачем ты меня зовешь? Тогда он не ответил.

Прошло двенадцать лет.

Линь Шэнь спросил:

— Зачем ты меня зовешь?

— Люблю тебя.

Линь Исин поцеловал Линь Шэня в покрасневший от мороза кончик носа:

— Очень сильно люблю, люблю уже много лет.

— Насколько сильно?

— Люблю до смерти. Готов выбраться ради тебя из тьмы, готов отбросить все свои предрассудки и эгоизм, готов терпеть невыносимую тоску и молча ждать, пока ты обернешься.

К счастью, он дождался.

Линь Исин поднял его со снега:

— До дома еще далеко, я понесу тебя.

Линь Шэнь сверкнул глазами:

— Хорошо.

Он прыгнул ему на спину, обвил шею руками и принялся что-то увлеченно рассказывать, не умолкая ни на секунду.

Небо еще не успело посветлеть, прохожих почти не было, но каждый, кого они встречали, провожал их взглядами.

— Шэнь-шэнь, может, слезешь? — он боялся, что Линь Шэню неловко.

— Нет, я хочу, чтобы ты донес меня до дома.

Он тоже был готов ради Линь Исина отбросить неприязнь к однополый любви, готов был выносить чужие взгляды, принять то, чего раньше боялся и от чего бежал.

Линь Исин позволил себе редкую шутку:

— Понесу тебя до горы Гаолаочжуан?

Линь Шэнь прикусил его за ухо:

— Не выйдет, если ты станешь монахом, что мне делать?

— Если я стану монахом, то ты будешь для меня Буддой.

Девять раз по девять испытаний — все равно нужно идти за священными писаниями.

Двое обменивались словами, выдыхая пар, шагая по заснеженной дороге, сквозь туман, от самого вокзала до дома.

Линь Шэнь, сидя на спине Линь Исина, достал ключи и открыл дверь.

Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань, завтракавшие в гостиной, замерли.

Потому что в комнату вошел Линь Исин, на спине которого восседал Линь Шэнь, и слезать он явно не собирался.

Линь Шэнь рассмеялся:

— Папа, мама, ваш драгоценный сын вернулся вместе с невесткой!

Родители не успели прийти в себя, как Линь Шэнь добавил:

— Кроме него, мне никто не нужен.

В тот год, в детском доме, восьмилетний Линь Шэнь хотел, чтобы Линь Исин стал его братом. Директор и родители были против, но он указал на одиннадцатилетнего Линь Исина и сказал: Кроме него, мне никто не нужен.

Прошло двенадцать лет, и он повторил те же слова.

— Кроме него, мне никто не нужен.

[Этот мир почти полностью заблокирован, читать его крайне сложно... Новые читатели, советую пропустить и начать со следующего. Простите, простите, простите.]

— Ну и? Система, что ты вообще творишь? Я превратил братскую любовь в гейскую, а ты мне засчитала задание как выполненное! Ты с ума сошла?

Где же дружба с главными героями миров?

[Парень — это тоже друг.]

А, так это «согревание» было физическим контактом?

[Умница! Награда хозяину — цветочек!]

Засунь свой цветочек себе! Разве он важнее хризантемы?

Эта система либо мошенница, либо сводня.

[Но, хозяин, тебе ведь самому было очень приятно...]

[Так что, три тысячи миров — три тысячи способов получить удовольствие, давай отправимся в следующий мир!]

Не пойду.

Линь Исин был случайностью, он стал «кривым» по неосторожности. Если он пойдет к другим мужчинам... во-первых, вероятность мала, во-вторых, чем это отличается от измены? От одной мысли тошно, не могу принять.

Система замолчала.

Сначала это молчание было обычным, но постепенно в душе Линь Шэня начало зарождаться чувство страха — страха, почти инстинктивного.

Спустя некоторое время в пространстве кто-то заговорил, но слов он разобрать не мог.

<http://bllate.org/book/21630/2231720>